

Ткаченко Роман Петрович

ОБРАЗ Г. СКОВОРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Ю. МУШКЕТИКА И В. ЕШКИЛЕВА)

Статья посвящена особенностям художественной рецепции личности и литературного наследия Г. Сковороды в системе современных мировоззренческих установок. Образ философа анализируется на материале рассказа Ю. Мушкетика "Дьявол не спит" и романа В. Ешкилева "Все углы треугольника". Эти писатели проявляют интерес главным образом к идее свободы в жизни и творчестве своего героя. Отдельное внимание уделяется общим мотивам и ведущим тенденциям образа Г. Сковороды в украинской прозе XIX - начала XXI века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 168-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Брауде Л. Ю. К истории понятия «Литературная сказка» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 3. С. 226-234.
2. Левко Е. Н. Динамика волшебного мира Дж. К. Роулинг: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 20 с.
3. Петрова Е. Е. Способы лингво-прагматической репрезентации фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2011. 24 с.
4. Плахова О. А. Лингвосомиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2013. 509 с.
5. Плахова О. А. Языковая картина мира английской народной сказки: монография. Тольятти, 2012. 202 с.
6. Смирнов А. В. Языковая картина мира английской народной сказки: монография. СПб., 2007. 264 с.
7. Смирнова О. П. Трансформированный текст как способ создания второй виртуальной реальности (на материале полторекорректных сказок, притч, рассказов Ветхого Завета): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007. 21 с.
8. Тананыхина А. О. К вопросу о морфологии англоязычного сказочно-фантазийного детектива // Studia Linguistica. Межвузовский сборник научных трудов РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2013. Вып. 22. С. 237-244.
9. Тананыхина А. О. Композиционная структура англоязычного сказочно-фантазийного любовного романа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал № 1. СПб., 2014. Т. 7. Филология. С. 110-119.
10. Тананыхина А. О. Лингвостилистические особенности современной англоязычной литературной сказки: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007. 264 с.
11. Baker-Sperry L., Grauerholz L. The Pervasiveness and Persistence of the Feminine Beauty Ideal in Children's Fairy Tales. Gender and Society. Vol. 17. No. 5 P. 711-726.
12. <http://classclit.about.com/library/bl-etexts/grimm/bl-grimm-cinderella.htm> (дата обращения: 17.06.2014).
13. <http://vseskazki.su/avtorskie-skazki/skazki-sharlya-perro/zolushka-chitat.html> (дата обращения: 17.06.2014).
14. <http://www.pitt.edu/~dash/perrault06.html> (дата обращения: 17.06.2014).
15. <http://www.pitt.edu/~dash/perrault11.html> (дата обращения: 17.06.2014).
16. Luthi M. The European Folktale: Form and Nature. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 200 p.
17. Tatar M. Enchanted Hunters: the Power of Stories in Childhood. N. Y. – London, 2009. 296 p.

MAIN CONCEPTS OF FAIRY-TALE AND FANTASY TEXTS

Tananykhina Alla Olegovna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
 allatan@mail.ru

In the article fairy-tale and fantasy worldview which is presented in various spheres of the English language discourse is considered. At present not only traditional folklore and literary fairy tales but also the works of the other literary genres such as detective stories, thrillers and love-story novels are representants of the fairy-tale and fantasy worldview. Main concepts of different fairy-tale and fantasy text are singled out and analyzed. It is proved that the main concepts of fairy-tale and fantasy texts are such concepts as "magic and miracle", "good", "evil", "beauty", "horror", "sorcerer" and "human".

Key words and phrases: fairy-tale worldview; fairy-tale and fantasy worldview; the English language discourse; fairy tale; concept.

УДК 821.161.2

Филологические науки

Статья посвящена особенностям художественной рецепции личности и литературного наследия Г. Сковороды в системе современных мировоззренческих установок. Образ философа анализируется на материале рассказа Ю. Мушкетика «Дьявол не спит» и романа В. Ешкилева «Все углы треугольника». Эти писатели проявляют интерес главным образом к идее свободы в жизни и творчестве своего героя. Отдельное внимание уделяется общим мотивам и ведущим тенденциям образа Г. Сковороды в украинской прозе XIX – начала XXI века.

Ключевые слова и фразы: художественный образ; художественная биография; феномен; интерпретация; философия свободы.

Ткаченко Роман Петрович, к. филол. н.

Киевский национальный университет имени Т. Шевченко, Украина
 tkachenkoR@3g.ua

**ОБРАЗ Г. СКОВОРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
 (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Ю. МУШКЕТИКА И В. ЕШКИЛЕВА) ©**

Столетиями личность Г. Сковороды в украинской и мировой культуре остается неизменно актуальной и загадочной. Новые попытки художественного и научного осмысления этого феномена говорят о том, что

время не имеет над ним власти. Несмотря на отдельные скептические оценки его творчества, Сквороду признали великим философом, но даже в начале XXI в. мы с трудом можем разглядеть в нём человека из будущего. То, что индийский мыслитель Ошо писал в автобиографии о новом человеке, можно было бы сказать и о личности «сквородянского» типа: «Запад страдал от избытка науки, а Восток – от избытка религии. Теперь нам нужно новое человечество, где религия и наука станут двумя сторонами единого бытия. А мостом между ними должно стать искусство. Вот почему я говорю, что новый человек будет одновременно мистиком, поэтом и ученым» [2, с. 111].

Образ Г. Сквороды в украинской литературе XIX–XX вв. – тема достаточно разработанная в украинском литературоведении, начиная со студенческих курсовых работ и заканчивая отдельной монографией. Согласно книге Л. Ушкалова «Григорий Скворода: Семинарий» (2004), этой теме литературоведы посвятили больше тридцати статей, в 1993 г. на эту тему была защищена кандидатская диссертация. Впрочем, интерес к Г. Сквороду у писателей не исчезает, и уже в XXI в. созрела необходимость исследования художественной рецепции фигуры мыслителя в литературе постмодернизма. Кроме того, на наш взгляд, существует возможность выйти на более высокий уровень обобщений и в том, что касается уже обработанного материала, наметить ведущие тенденции художественного осмысления образа в смысле жанрово-стилевых модификаций, типологии характера, горизонта ожиданий.

Историю образа Г. Сквороды в украинской литературе можно проследить за двумя «сюжетными линиями». Первая, более четко проведенная учеными, касается художественной формы, вторая – содержания.

На протяжении двух веков наблюдаем усиление жанрово-стилевого разнообразия историко-биографической литературы, обусловленного легитимацией права на художественный вымысел и постепенным расширением степени его присутствия. Фактически право на художественный вымысел завоевало признание одновременно с формированием историко-биографической прозы, которое в украинской литературе завершилось в 20–30-е гг. XX в. Без права на вымысел, который усиливает достоверность образа в том, что касается жизненной конкретики, не мог бы возникнуть художественный диалог между историческим феноменом и его авторским видением. Украинские писатели XX века и начала нынешнего чаще, смелее, чем их предшественники, используют в создании образа Г. Сквороды ассоциативно-символический подход.

План содержания образа Г. Сквороды непосредственно формировался мировоззрением того или иного писателя, духом времени, господствующей идеологией, модой. До конца XIX в. писатели были мало знакомы с текстами Г. Сквороды. Издания Д. Багалия и В. Бонч-Бруевича подготовили почву для открытия своеобразной философии украинского мыслителя. Специфику модели можно дифференцировать в зависимости от того, что именно представители той или другой культурно-исторической эпохи не воспринимали в текстах философа. Например, романтики плохо знали творчество Г. Сквороды в целом (это видно из повести Т. Шевченко «Близнецы», где автор приписывает философу заинтересованность астрологией), поэтому создали на материале легенд и ненадежных воспоминаний образ народного учителя, странноватого моралиста-проповедника; архаический язык и религиозное содержание диалогов этого писателя XVIII века представлялись позитивистам глубоко чуждыми, но привлекал демократизм его натуры и т.д. И всё-таки обаяние личности Г. Сквороды преодолевало негативизм восприятия его философии. Поэтому в украинской литературе невозможно найти произведения, где автор «Сада божественных песен» выглядел бы исключительно негативным персонажем.

У него почти нет учеников, зато имеется много друзей. Жизненный образ украинского мудреца колеблется между типом моралиста-народника и мистика-мизантропа. Первый тип решительно перевешивает, приобретая различные оттенки религиозного, позитивистского, марксистского, диссидентского толка. Как видим, личность Г. Сквороды украинские писатели оценивали в основном за шкалою социальность/асоциальность, ведь большинство из них за последние два столетия были народниками, прогрессистами, соцреалистами.

Рассказ Ю. Мушкетика «Дьявол не спит» – это, на наш взгляд, скрытая полемика с романом Василия Шевчука «Предтеча», так же, как диалогия последнего о Т. Шевченко была полемикой с известным биографическим романом Оксаны Иваненко. С точки зрения исторической правды в романе В. Шевчука «Предтеча» неоправданно подчеркнуты антиклерикализм, социальная ангажированность и патриотизм главного героя. Впрочем, с другой стороны, личность Г. Сквороды отдельными своими чертами подталкивала к такому переосмыслению.

В прошлом «одноклассник» по Киевской академии, персонаж Ю. Мушкетика Сидор Коренец обвиняет Сквороду в социальном индифферентизме и отсутствии патриотизма: «Душа! Если она еще есть, её – пузырьрёк. А желудок – вон какой! И ты это знаешь... И пускаешь дым в глаза, будто бы душа у тебя – вон какая! А она – как у всех. Только хитрее. Присушенная. И не заступилась она ни за кого...» [4, с. 25]. Скворода, по его мнению, прожил как бы в коконе, ничего не слышал и не видел, потому что не хотел, «прожил, как в корыте по воде проплавал» [Там же, с. 26]. Может быть впервые в украинской литературе со времён воспоминаний И. Вернета и повести И. Срезневского «Майор, Майор!» самый известный отечественный мыслитель оказался гордым сверх меры, нетерпимым к чужому мнению, иногда растерянным, испуганным перед жизнью, от которой он прятался в коконе святости. Складывается ощущение, что рассказ написан именно для второй главы, беседы с Коренцем, а первая глава добавлена для сбалансирования критичности второй. Конечно, авторская позиция интереснее, чем мысли героя-критикана: «присушенная» душа не могла бы сочувствовать людям и зверям, которых застал в поле дождь с грозой, равнодушный к отчизне преподаватель не смог бы привить студентам коллегима любовь к «простому» (украинскому) языку, о чём узнаём со слов Самуила Мыславского. И всё-таки жесткие своей правдой обвинения Коренца (дьявола, который не спит; может быть, второго «Я» главного героя) пронизывают душу Сквороды до дна, как молния за окном, свидетель их ночного разговора.

Если В. Шевчук представлял личность Г. Сковороды излишне современной, то Ю. Мушкетик, обвиняя Сковороду устами героя, не учитывает исторических реалий. Во-первых, язык текстов Г. Сковороды, по мнению большинства современных украинских языковедов, – это книжный украинский язык XVIII века. Во-вторых, термин «познание» у него имел не очень много общего с современным научным познанием. Во-вторых, религиозное сознание человека XVIII столетия более чётко проводило разницу между духовностью и душевностью, явлениями далеко не всегда тождественными, кроме того, душевная жизнь тогда имела несколько иные измерения, «присущенные» позднее атеистической эпохой. Мыславский и Коренец, так же, как и наши современники, считают самопознание делом или нескончаемым, напрасным, или чем-то наподобие саморазвенчивания. Тем более что познанным в себе трудно поделиться с другим, а Бог и так всё знает. Но у Г. Сковороды самопознание равнялось богопознанию, рождению внутреннего человека, Христа, постижению счастья, это путь и цель, начало и конец одновременно. В этом смысле вопрошать «познал – а что дальше?» не имеет смысла. Душа человека эпохи барокко была иначе организованной. Российский религиозный мыслитель Феофан Затворник (Георгий Говоров), личность, близкая странствующему украинскому философу убеждениями и в определенной мере способом существования, ведь отказался от епископства, ректорства и последние десятилетия своей жизни провел отшельником в келье за книгами и рукописями, описывал три уровня душевного: душевно-духовное (стремление к идеалу, бескорыстные дела, бескорыстная любовь к красоте), душевное (доброта, любовь к родным и близким), душевно-плотское (стремление к наслаждениям) [3]. С этой точки зрения, Сковорода, безусловно, отличался душевно-духовной доминантой.

Рассказ Ю. Мушкетика «Дьявол не спит» – талантливая смелая попытка приближения к «настоящему» Сковороде, который не подходит для разменивания на политические лозунги, для однозначной и упрощенной интерпретации.

Григорий Сковорода под пером В. Ешкилева – может быть, самое оригинальное явление в галерее художественных ипостасей этого украинского философа. Оригинальность в интерпретации известной исторической фигуры достигается за счет решительного использования художественного вымысла и отхода от исторической правды. Роман «Все углы треугольника. Апокриф странствий Григория Сковороды» (в русском переводе «Андрогин. Книга странствий Григория Сковороды») далеко уходит за границы историко-биографической литературы, и если мы рассматриваем его в одном ряду с произведениями жанра художественной биографии, то только благодаря наличию исторического прототипа. Даже документальную основу событий автор романа очертил согласно устаревшим биографическим данным как период 1750-1753 гг., хотя большинство исследователей разделяют мнение Л. Махновца и считают, что за границей Г. Сковорода побывал в 1745-1750 гг. Эпизод из жизни Г. Сковороды В. Ешкилев воссоздал, как и Ю. Андрухович биографию поэта Б.-И. Антоныча в одной из глав романа «Двенадцать обручей», деконструируя историю.

Герой В. Ешкилева менее всего напоминает народного учителя. Он мистик, послушник, исихаст, разведчик, полу-масон, хотя известно о негативном отношении Г. Сковороды к масонским ритуалам и сектантству. Авторская интерпретация философа резко смещается от народнического полюса к мистическому, от коллективизма к индивидуализму, от духовного подвижничества к индивидуальной духовной практике, напоминая персонажей Г. Гессе, Нарцисса, Кнехта, Галлера. Время и пространство романа делят на сферы влияния разнообразных секты, тайные организации, правительств, церкви. Сковорода самоопределяется в силовом поле разных материальных и духовных интересов человеческого бытия. При таких условиях сбросить собственную индивидуальность не легче, чем в конфликтах с переяславским или белгородским епископами.

Очевидно, проблемным центром романа «Все углы треугольника. Апокриф странствий» является идея андрогина. С древнейших времен образ андрогина воплощал принцип целостности. Благодаря этому образу актуализировались темы амбивалентности божества, сакральной относительности добра и зла, духовной свободы, бессмертия, высшего совершенства. Согласно Максиму Исповеднику, Христос после воскресения – андрогин (у Г. Сковороды внутренний человек – Христос). В румынском фольклоре Бог и Сатана – братья. Алхимия в связи с идеей совершенства – один из источников раздумий немецких романтиков об андрогине. В романе В. Ешкилева духовное познание не отделяется от чувственного опыта, от наслаждений и впечатлений облагороженной ритуалом плоти, отсюда открывается путь, который не противостоит аскетизму, а «снимает» его в более сложных формах. Сам писатель говорит об этом так: «Служение не имеет никакого отношения к противоположности – добро – зло». Метафизика не предусматривает морального измерения. В метафизике действуют другие противопоставления: –«порядок – хаос», –«упрощение – усложнение»» [2, с. 303]; или так: «Убей в себе Ехидну и прими к сердцу равнозначно и образ земли, и образ неба» [Там же, с. 300]. Герой произведения демонстрирует постмодернистскую свободу от иерархий и дихотомий, то есть от той же идеи украинского философа о трех мирах и двух натурах. Имморальный герой пренебрегает традиционной духовной рафинированностью во благо полноты бытия. «Сковорода примирил два мира третьим. Он нашел все ответы в Библии. В его мире Библия заняла то место, на котором у возлюбивших себя профанов сидит Ехидна. Но Библия не ссорилась, а соединяла миры. Сковорода понимал Ехидну как Антибиблию. А Библию, наоборот, как Антиехидну. Как универсальный ключ всемирной гармонии» [Там же]. Однако реализовать эту программу редукционизма трех миров и двух натур без утраты разнообразия и глубины под силу, наверное, только андрогину. Библия в этом случае значит совсем не христианское вероучение, раскалывающее мир на дух и плоть, моральные заповеди, общечеловеческие ценности, «библия» – это сакральные знания и практики, алхимия, магия, все то, что освобождает от «скучных» научных истин.

В. Ешкилев смоделировал своего андрогина с учетом представлений немецких романтиков и французских декадентов. Со слов М. Элиаде, декаденты толковали метафизический символ двуполого существа в грубом чувственном плане. Ученый подчеркивал: «У писателей-декадентов андрогин понимается исключительно как гермафродит, в котором анатомически и физиологически сосуществуют два пола. Дело оказывается не в полноте, которая существует благодаря синтезу полов, а в богатстве эротических возможностей. Здесь нет речи о появлении нового человеческого типа, в котором синтез обоих полов порождает новое сознание, свободное от полярностей, – речь идет, так сказать, о чувственном совершенстве, которое происходит от активного присутствия обоих полов» [7, с. 157].

Несмотря на то, что акцент делается на революцию сознания, «андрогенизация» в романе всё же сопровождается ритуальными практиками, в частности интерсексуальными переодеваниями, ритуальными оргиями и т.п. Поведение персонажей выводится за рамки моральной мотивации, и неслучайно Павел Вигилярный мечтает написать сравнительные биографии Сквороды и Казановы.

Мистический символ треугольника, который у прототипа главного героя означал, в частности, триединство божества, В. Ешкилев переосмыслил в постмодернистском ключе мультикультурализма: «Воистину, не осуждай, подобно мракобесам и обскурантам, не смейся и не обижайся. Только тогда мир не сможет тебя поймать. Все пути существенны в опыте. Попытайся найти в них зерна истины и отсеять полосу» [2, с. 312].

Сквородовед Т. Пинчук утверждает, что образ Г. Сквороды в литературе остается «вещью в себе» «независимо от глубины и художественного мастерства его литературного воплощения. Эта внутренняя — «проницаемость» образа и есть один из главных принципов его оригинального инобытия в каждом новом времени» [5, с. 15]. Перспективным, например, кажется углубление интерпретации прототипа с точки зрения основательного изучения его философии. Поньне украинская проза не знает полифонического произведения, в котором философ Скворода имел бы достойного оппонента-интеллектуала. Скажем, им мог бы быть основатель теоцентрической теологии К. Барт, который верил, что знание о Боге невозможно вывести из внутреннего мира человека, из его собственного разума, а, следовательно, самопознание не то же, что богопознание.

Как видим, Ю. Мушкетик, представитель старшего поколения, понимает Г. Сквороду в традиционной ипостаси народного учителя с использованием слегка модернизированной, в параболическом ключе, реалистической эстетики, в то же время В. Ешкилеву ближе Скворода-мистик, писатель создает как бы вольную интерпретацию оригинала, а не перевод с исторической действительности. Однако оба автора стремятся уйти от стереотипов восприятия украинской культурой деятелей прошлого, используя эффект отстранения: Ю. Мушкетик смотрит на Сквороду глазами современного обывателя, специально заземляет образ, В. Ешкилев применяет универсальный эзотерический антураж, тоже выводя образ за привычные рамки понимания, но с точки зрения как бы всемирного гражданина, эзотерика и мистика. Оба современника стремятся реабилитировать плоть.

Отдельные попытки постижения феномена Г. Сквороды в современной украинской прозе засвидетельствовали одну важную тенденцию. Из духовного арбитра земных дел духовный мир превращается в неоднозначную, многоликую и противоречивую инстанцию. Духовные сети могут быть не менее опасными, чем сети земных наслаждений. Известный афоризм «Мир ловил мене, но не поймал» подвергся ироническим редактированиям и двусмысленным толкованиям. Если романтики, реалисты и модернисты понимали гармонию в смысле инобытия, усвоенного бытия, рукотворной и нерукотворной красоты, царства разума, социальной справедливости, то у постмодернистов это скорее свобода от всех предыдущих представлений о гармонии. С точки зрения нашего времени, самой актуальной у Г. Сквороды остается философия и практика свободы, открытость миру новых сложнейших гармоний.

Список литературы

1. **Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)**. Автобиография духовно неправильного мистика. Киев – М.: Гелиос; София, 2001. 146 с.
2. **Ешкилев В.** Андрогин. Книга странствий Григория Сквороды / пер. с укр. Н. М. Дугчак. Харьков: Фолио, 2014. 319 с.
3. **Затворник Феофан**. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Республика, 1995. С. 392-400.
4. **Мушкетик Ю.** Дьявол не спит // Кур'єр Кривбасу. 1999. № 3. С. 6-26.
5. **Пинчук Т. С.** Образ Г. Сквороды в українській літературі XIX-XX ст.: автореф. дисс. ... к. філол. н. Киев, 1993. 17 с.
6. **Ушкалов Л.** Григорій Скворода: Семінарій. Х.: Майдан, 2004. 776 с.
7. **Элиаде М.** Местифель и андрогин / пер. с франц. Е. В. Баевской и О. В. Давтян. СПб.: Алетейя, 1998. 388 с.

THE IMAGE OF G. SKOVORODA IN THE MODERN UKRAINIAN LITERATURE (BY THE MATERIAL OF THE PROSE BY Y. MUSHKETIK AND V. YESHKILEV)

Tkachenko Roman Petrovich, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine
tkachenkoR@3g.ua

The article is devoted to the specifics of artistic reception of the personality and literary heritage of G. Skovoroda in the system of modern world conceptions. The image of philosopher is analyzed by the material of the story by Y. Mushketik – «The Devil is Awake» and the novel by V. Yeshkilev „All Corners of the Triangle”. These writers take interest basically in the idea of freedom in the life and creative work of their character. The special attention is paid to the common motives and leading tendencies of the image of G. Skovoroda in the Ukrainian prose of the XIX – beginning of the XXI century.

Key words and phrases: artistic image; artistic biography; phenomenon; interpretation; philosophy of freedom.